

я стар стал». Мой зять Воейков, вернувшись из Тамбова, привез нам книгу, которую очень хвалил. Дядя ее читал, да забыл, это было объяснение литургии^X. Он захотел ее перечитать, взял свою лупу (так как зрение его ослабло в последнее время) и позанимался этим какое-то время. *«Я так устал,— сказал он мне. — Паша, почитай мне вслух, но не торопись, ты плохо договариваешь окончательные слова, а я и совсем плохо слышу»*. Часто прекрасная погода прерывала наше чтение и приглашала выйти из гостиной и сесть на ступеньках. Зная, что ему доставляло удовольствие слышать, как мы с Александриной поем, я брала арфу и мы пели вместе *«Вошел в шалаш мой торопливо»*,^{XI} и он одновременно восхищался природой, спокойствием Волхова, в котором, как в зеркале, повторялся окружающий пейзаж, или считал на пальцах стопы стихов, которые сочинял в это время.

Раз утром (я думаю, что 1 июля), когда дядя слушал как я читала объяснение литургии, которое доставляло ему много удовольствия, мы дошли до места, где говорилось о благоговении, с каким все присутствующие должны это место слушать, когда любое земное чувство должно исчезнуть и уступить место бесконечной признательности за все милости нашего Господа, который пожертвовал собой, чтобы обеспечить нам вечное спасение, думать о жертвоприношении, которое совершается на алтаре во время литургии, вслушаться во все молитвы, живо в них проникнуть, так, чтобы стать бесстрастным, когда никакая земная привязанность не отвлекает нас от молитвы. *«Как это трудно,— говорил дядя. — Как часто во время службы о молитве и не думаешь, правда, иной раз сердце разогреется, слезы брызнут от восторга, кажется, как бы искра Господня заронила в душу, встухнет, но потом суета мирская займет собою и искра эта божественная совсем потухнет. Я в таком восторге, стоя у заутрени на святой праздник, написал первую строфу оды Бог. Слезы катились градом, и с чувством, исполненным благодарности, я написал то, что сердце мне сказало»*. Говорил он мне это с выражением уверенности во всех словах. Глубоко взволновавшись, он прервал мое чтение и принялся ходить взад и вперед по комнате; я села за пианино и заиграла Анданте принца Людвига Прусского^{XII}. Эта нежная музыка, которая носит отпечаток меланхоличности, понравилась моему дяде, он подошел к пианино. *«Что такое ты играешь?»* — спросил он меня. Я назвала ему автора. *«Как эта музыка мне нравится, гармония такая тихая, унылая, видно, принц Людовик был меланхолик, это заметно по его музыке»*. Мы об этом долго разговаривали, я рассказала, как жалели о принце, который умер совсем молодым, лучшие музыканты; он слушал меня с интересом, потом попросил снова сыграть Анданте.